

Дмитрий МАЗАЛЕВСКИЙ

**РОМАН-КОММЕНТАРИЙ КАК МЕТОД ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЯ ПРОШЛОГО И ФОРМА
АВТОРСКОЙ РЕФЛЕКСИИ (НА ПРИМЕРЕ РОМАНА Е. ПОПОВА
«ПОДЛИННАЯ ИСТОРИЯ “ЗЕЛЁНЫХ МУЗЫКАНТОВ”»)**

**Novel commentary as a method of rethinking the past and a form
of authorial reflection: E. Popov's
*The Real Story of the 'Green Musicians'***

Abstract

This paper aims to show how the genre of the novel commentary in E. Popov's *The Real Story of the Green Musicians* allows the author to evaluate his short story *The Green Musicians*, written 20 years earlier, on the one hand, and to characterize the entire Soviet epoch, on the other. The text commented on serves as a typical text of the Soviet era, written under the influence of that period: the short story is an excellent example of the review of Soviet times, while the commentary functions as an independent artistic element of the novel. Also, the paper offers a classification of a complex and interconnected system of post-textual notes, which are conditionally divided into several levels. Each level of the commentaries serves Popov's goal of expressing his attitude towards the Soviet nomenclature, which is the underlying theme of his work..

Keywords: *novel commentary, hypertext, interactive novel, Eugene Popov, postmodernism, fictional commentary*

С развитием постмодернизма как литературного направления одной из наиболее заметных тенденций прозы второй половины XX века стало появление так называемых гипертекстов или гиперроманов – художественных произведений, состоящих из нескольких текстов, связанных друг с другом посредством системы ссылок, сносок, примечаний и комментариев. Это повлекло за собой появление нескольких субжанров, среди которых можно выделить роман-комментарий, роман-словарь, роман-клепсидра, роман-перевертыш и некоторые другие. Специфика форматирования текста в этих произведениях позволяет читателю перейти от линейного чтения (от первой к последней странице книги) к нелинейному, то есть самому определять, в каком порядке читать текст. В зависимости от этого у каждого читателя может получиться свой собственный, уникально прочитанный текст – Милорад Павич, сербский писатель, автор «Хазарского словаря», признавался, что количество вариаций прочтения его произведения составляет более двух миллионов [ПАВИЧ 2009]. Среди писателей, преуспевших в жанре нелинейного повествования, помимо Павича, можно назвать И. Кальвино, Х. Кортасара, П. Корнеля, Ж. Перека, П. Эстерхази, Ф. Темеши, М. Джойса, Д. Галковского, Е. Попова и др.

Некоторые предпосылки возникновения самоценного авторского комментирования можно встретить и в прозе предыдущих столетий. Так, О.Е. Романовская, говоря об эксплицитных авторских комментариях, указывает на отступления в романе Л. Стерна «Жизнь и мнения Тристама Шенди, джентельмена» и авторские комментарии в произведениях У. Теккерея, Г. Филдинга, Н. Карамзина, а также в романе в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин», где «многочисленные аутопрезентации автора напоминают о противоречивости его положения: автор – один из персонажей и одновременно создатель романа» [РОМАНОВСКАЯ 2009]. Дмитрий Галковский, в свою очередь, указывает на ассоциативную манеру гоголевского стиля в «Мёртвых душах»: «Подъезжая к крыльцу, заметил он выглянувшие из окна почти в одно время два лица: женское в чепце, узкое, длинное, как огурец, и мужское, круглое, широкое, как молдавские тыквы, называемые горлянками, из которых делают на Руси балалайки, двухструнные легкие балалайки, красу и потеху ухватливого двадцатилетнего парня, мигача и щеголя, и подмигивающего и посвистывающего на белогрудых и белошейных девиц, собравшихся послушать его тихострунного треньканья» [ГОГОЛЬ 1937–1952]. Начав со сравнения головы Собакевича с тыквой, Гоголь через уточнение названия растения переходит к описанию двухструнных балалаек, от которых – к рассказу о парне, пользующимся успехом у девушек. Кроме того, в этой связи мы можем вспомнить и публицистику Ф.М. Достоевского, которая наиболее ярко раскрылась в его моножурнале «Дневник писателя»: «...на страницах произведения мы можем встретить то, что в пределах одной статьи писатель начинает развивать какую-то мысль и прерывает ее, переходя на другую тему» [ПЕРЦЕВА 2015]. Е.С. Максимова, подчеркивая некую самостоятельность этих необязательных вставок с дополнительной информацией, утверждает, что эти «ассоциации выходят за пределы конкретных текстов и начинают существовать в виде комментариев, а бесконечные “дописывания” становятся судьбой русской литературы» [МАКСИМОВА 2009]. Наиболее полно, на наш взгляд, эти «дописывания» проявились в постмодернистской литературе.

Главным образцом романа-комментария как самостоятельного жанра и неким венцом прослеженной нами тенденции можно считать опубликованный в 1962 году роман Владимира Набокова *Pale Fire* («Бледный огонь»). Произведение состоит из двух частей: поэмы Джона Шейда, и комментариев к ней Чарльза Кинбота, друга и коллеги Шейда, получившего поэму после смерти первого и использовавшего ее текст в качестве отправной точки для собственного рассказа о Зембле, своем правлении и бегстве. Кинбот по-своему интерпретирует исходный текст, предлагая свою версию его прочтения – произведение Шейда для Кинбота лишь повод рассказать свою историю, высказать свое видение произошедших событий. Более того, после смерти поэта толкование Кинбота имеет не меньше прав на достоверность, чем любая другая трактовка (особо ироничным представляется тот факт, что, «убив» Шейда в своем романе, Набоков на пять лет опередил известный тезис французского философа Ролана Барта, одной из ключевых фигур структурализма и постструкту-

рализма). И.С. Беляева подчеркивает особую роль «Бледного огня» для пост-модернистской парадигмы как произведения, давшего «импульс развитию жанра комментария как художественного текста, комментария, который может являться и является художественным текстом даже в отсутствие текста комментируемого» [БЕЛЯЕВА 2009: 186].

Традиции романа-комментария сохранились и в современной русской литературе. При изучении этого жанра в данной статье мы пользуемся трактовкой, которую предложила В.А. Курницкая: «роман-комментарий – жанр художественной литературы, в котором реализовано особое построение: совмещение претекста (выполненного в форме поэмы, повести, рассказа) и текстологического аппарата к нему (предисловия, комментария и указателя)» [КУРНИЦКАЯ 2012]. Среди современных произведений данного жанра на русском языке в первую очередь выделяются «Бесконечный тупик» (1997 год) уже упоминавшегося Д. Галковского и «Подлинная история “Зелёных музыкантов”» (1999 год) Евгения Попова – оба романа имеют весьма обширный аппарат после текстовых комментариев, которые по своему объёму во много раз превосходят комментируемый претекст. Однако, если в случае с произведением Галковского мы имеем дело с эссе его авторства, при комментировании которого он “создает” рассказчика и даёт ему говорящую фамилию Одинокоев, таким образом несколько самодистанцируясь от него, то в случае с «Подлинной историей “Зелёных музыкантов”» комментируемый претекст является реальным (хоть и не опубликованным) произведением самого Попова, написанным в 1974 году, а в качестве автора многочисленных комментариев также выступает сам Попов, выстраивая комментарии от первого лица. К слову, на вопрос жанровой специфики романа-комментария Д. Галковского «Бесконечный тупик» обращали свое внимание многие российские и зарубежные исследователи. Так, венгерский литературовед Й. Горетиты в своей статье задается вопросом, считать ли этот текст философским трактатом или литературным произведением. В пользу второго предположения, по мнению исследователя, говорит наличие главного героя, “рассказчика”, который ведет повествование от первого лица, а также тот факт, что «текст демонстративно строится из цитат разных произведений и ссылок на самого себя, поскольку значительная часть примечаний представляет собой примечания к примечаниям, а иногда – примечания к примечаниям на примечания» [GORETITY 2005: 221]. Сложная система перекрестных примечаний и комментариев, равно как и повествование в них от первого лица встречается и в романе-комментарии Евгения Попова. Подобная специфика организации текста представляет интерес как с точки зрения переосмысления прошлого, так и с точки зрения авторской рефлексии.

Роман-комментарий как субжанр постмодернистской прозы обладает двумя ключевыми особенностями. Во-первых, это самоценность послетекстовых комментариев, а зачастую – даже большая их значимость. В работе И.С. Беляевой этот тип комментария, в противовес традиционному, научному (который создается с целью облегчить читателю интерпретацию текста на всех его уровнях), называется фикциональным, то есть обладающим «жанрово-

сюжетообразующим потенциалом внутри каждого конкретного текста» [БЕЛЯЕВА 2009: 186]. Таким образом, комментарий выступает в качестве самостоятельного художественного элемента исходного текста, который, по мнению комментируемого, нуждается в дополнительном объяснении. Более того, В.А. Курницкая указывает на конфликтные отношения между претекстом и текстологическим аппаратом, образующиеся в результате их совмещения и сопоставления [КУРНИЦКАЯ 2002].

Помимо этого, роман-комментарий может рассматриваться как интерактивный или нелинейный роман. Ввиду усложненной структуры произведения, большого количества примечаний к тексту, а также из-за сложной системы взаимосвязи и взаимозависимости самих комментариев, ссылок на один комментарий внутри другого, появляется огромное количество вариаций прочтения романа: читать текст по порядку от начала и до конца, переходить или не переходить к каждому комментарию по мере чтения, следовать или не следовать ссылкам внутри самих комментариев, обращаться или не обращаться к другим текстам и произведениям, на которые ссылается автор. В этой связи «Подлинная история “Зелёных музыкантов”» жанрово близка таким представителям постмодернистских интерактивных романов как «Пути к раю. Комментарий к потерянной рукописи» П. Корнеля, «Жизнь. Способ употребления» Ж. Перрека, «Игра в классики» Х. Кортасара, «Полдень» М. Джойса, «Невидимые города» И. Кальвино, «Хазарский словарь» М. Павича и проч.

Роман-комментарий Попова «Подлинная история “Зелёных музыкантов”» в своей жанровой специфике, конечно, опирается на «Бледный огонь», а по мнению И.С. Беляевой, даже «демонстрирует жанровую зависимость» от романа Набокова [БЕЛЯЕВА 2009: 186]. Необходимо отметить, что, во-первых, в обоих случаях комментарии позволяют не только расширить претекст, но и предложить иную его трактовку, во многих моментах даже вступая с ним в противоречие. Во-вторых, столь объемный аппарат послетекстовых ссылок является некой пародией на традиционный комментарий как метод, жанр и инструмент литературного исследования: роман Набокова явился идейным продолжением работы писателя над комментариями к собственному переводу «Евгения Онегина», а роман Попова, по мнению Н.Я. Григорьевой [ГРИГОРЬЕВА 2000], является, в том числе, и ироничной пародией на сам жанр романа-комментария, уже укрепившегося в европейской и русской литературе ко времени публикации произведения.

В то же время, «Подлинная история “Зелёных музыкантов”» является авторской рефлексией на тему собственного раннего творчества в частности, и состояния литературы в советское время в целом, частью которой в молодости был сам Попов, что принципиально отличает это произведение от романа Набокова. Несмотря на предположения некоторых исследователей о том, что Шейд и Кинбот в «Бледном огне» являются одним и тем же человеком, в микроскопе произведения они все же заявлены как два разных человека, в отличие от текста Попова, где автор, по сути, комментирует сам себя.

В своем произведении Попов препарирует не только советскую эпоху 70-ых годов XX века, но и состояние литературы в то время. Для этого в первой части романа он публикует и комментирует собственную, не издававшуюся прежде повесть «Зелёные музыканты», главной идеей которой также была критика советской власти и “официоза” советской литературы, создававшиеся под влиянием того общества, гнетом цензуры и самоцензуры, неопытности, а потому – по признанию самого автора в комментарии (9) – «пестрит штампами и клише», что делает этот текст идеальным материалом для комментирования и разбора того времени, некоей репрезентацией, материализацией состояния литературы советской эпохи. Сам Попов подчеркивал, что его произведение является для него неким итогом и двадцатого века, и тысячелетия: «это своего рода энциклопедия той жизни, но и не только той» [ПОПОВ: 1998]. Для подведения этих итогов автор выбирает роман о писателе, что не случайно – по выражению М.П. Абашевой – именно «...эволюция романа о писателе как наиболее внятно выраженной модели писательского самосознания демонстрирует, кроме того, изменение не только внутрিলитературной, но – шире – культурной ситуации в целом» [АБАШЕВА 2001: 319].

Ввиду разнообразия и большого объема комментариев адекватно разделить и классифицировать их по категориям представляется весьма сложной задачей. Вместе с тем, можно попытаться выявить некоторые, наиболее часто встречающиеся виды комментариев и разделить их на уровни, чтобы проследить, с помощью каких средств и приемов Попов достигает своей цели.

Довольно большая часть комментариев носит, по определению Е.Е. Бариновой, филологический характер [БАРИНОВА 2007], автор указывает на штампы и канцеляризм, доминировавшие в советской печати и литературе, и дает им свою оценку: «по выгону (412) из института», и в комментариях: «(412) Довольно неуклюжее словосочетание, обладающее за счет потери красоты фактографической точностью канцелярита»; «А если все ж и думал, то лишь в одной определенной плоскости (329)», и в комментариях: «(329) Штмп на штмпе! Все пропитано СОВЕТЧИНОЙ, а ведь казалось, что я – гордый, независимый»; «(403) "Претворять вывод" - звучит дико, но вполне по-советски». В комментариях, встречая слова «Бог», «Господи», писатель рассуждает о советской цензуре: «(70) Раньше это слово велено было писать с маленькой буквы, я и писал. А сейчас уже не могу», а также говорит о типичных для современной ему литературы рекомендациях, которые он получал из соответствующих вышестоящих органов, характеризуя тем самым литературу того времени: «(51) Слова “в стране” я в рукописи зачеркнул тоже везде, чтоб не пришли обобщение “все еще имеющихся временами недостатков”», «(80) Слово “говно” тогда было запрещено в печати (по случаю тоталитаризма)». Попов-комментатор часто весьма критичен к своей ранней повести, иронично высмеивая многие фразы и обороты. Так, в комментариях 8, 22, 31, 32, он признается во вранье ради того, чтобы быть опубликованным, страхе быть обвиненным в «антисоветчине», говорит об ограниченности мышления и ранней творческой импотенции.

Комментарии содержат довольно богатый материал крылатых выражений, идиом, поговорок, частушек, анекдотов, которые писатель приводит ради погружения читателя в атмосферу, бытовые и социальные условия советского периода и языковые особенности народа. По словам Н.А. Поляковой, состояние советской культуры, окружавшей автора, «формировала его отношение к культуре в целом и программировала направление и характер его апелляций к иным, более далеким культурным пластам» [ПОЛЯКОВА 2010]. Среди многочисленных комментариев мы встречаем большое количество анекдотов (например, комментарии 152, 714, 841, 872, 879), частушек (комментарии 61, 152, 256, 286), песен и стихотворений (комментарии 33, 48, 129, 139, 217, 227, 289, 494, 558, 629) и, наконец, поговорок и выражений (84, 150, 231, 401, 427) – все эти малые жанры фольклора, ходившие среди народа, выражают отношение простых людей к советской власти и окружающей действительности и зачастую служат дополнительным, мощным аргументом в пользу позиции Попова, вступая в противоречие с «официальной культурой» власти. Об этом говорит и О.Е. Романовская, подчеркивая значимость для писателя именно такого жанра как частушка: «Если пословицы и поговорки воспроизводят многовековой опыт народной жизни, то частушки в тексте комментариев – часть советского фольклора, в них отражается реакция простых людей на современность» [РОМАНОВСКАЯ 2008].

Следующая объемная группа комментариев ставит своей целью расширение или дополнение исходного текста, что позволяет автору постфактум дописать его, добавить то, что в 1974 году не пропустила бы цензура и самоцензура. Многие послетекстовые комментарии (311–314, 260, 349, 376, 419, 422, 424) являются как бы прямым продолжением фразы или предложения из исходного текста, иногда начинаясь с запятой: «Любовь - это что-то другое (424)», и в комментариях: «(424) , отчего многие, услышав это слово, тут же хватаются за револьвер. Любовь в СССР могла быть только к СССР». Другая подгруппа комментариев представляет собой лирические отступления и размышления автора, на которые его наталкивает комментируемый претекст. Все это вносит большее разнообразие в художественный мир текста, позволяя Попову сказать больше, быть смелее и прямолинейнее, зачастую ироничнее и острее в своих послетекстовых комментариях: «(502) Да, может, и не совсем традиционным способом, но все же осуществилась вековая мечта российской демократии – смычка интеллигенции с народом. Мы к этому долго шли и все-таки взяли да и пришли. Конечно, в этом нам сильно помогло бывшее родное государство, познакомившее и подружившее нас в концлагерях, очередях, коммунальных квартирах, общественных банях, вытрезвителях, Советской Армии, на "картошке", собраниях, "митингах протеста" и других аналогичных местах, скрепившее эту смычку с помощью КПСС, КГБ и миллионов стукачей».

Еще одна важная для романа группа комментариев носит исторически-биографический характер – с их помощью автор через рассказ о своей жизни, произошедших с ним случаях, через разговоры, встречи и знакомства с другими литераторами, поэтами и деятелями культуры (среди которых реальные, знаковые

личности советской эпохи: В. Аксенов, И. Бродский, В. Высоцкий и проч.) и размышления о конкретных исторических событиях дает характеристику эпохе: «(406) ...Саша Соколов служил егерем, Михаил Берг – истопником в сауне, Дмитрий Бобышев измерял воду в Неве раз в день, чтоб она не залила коммунистов, Сергей Каледин и Борис Павлов были сменными вахтерами в развратном общежитии МГУ... Список открыт...», «(690)... Со страху перед ГБ мы для конспирации переговаривались на пустынном пляже тут же сжигаемыми записками и сочиняли письмо в США В. П. Аксенову», «(549)... [В. Катаев]...сильно и презрительно отзывался о “писательских начальниках” (Михалкове, Чаковском)....».

Наконец, комментируемый претекст выступает в качестве повода или причины для лирических отступлений, рассуждений и размышлений, которые, впрочем, зачастую отличаются явной иронией: «(64) Пожалуй, здесь опять неуклюжая попытка придать повествованию раскованность с помощью провинциального фрейдизма, пародийно снизив образ Великой, Святой, одним словом, РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ со всех больших букв. И одновременно здесь что-то уже есть такое соцартовско-мовистское, сознательно пошлошутящее письмо. Литература – Дама. Литература – дура. М-да...».

Таким образом, посредством сложной системы послетекстовых комментариев, работающих одновременно на нескольких уровнях, но служащих одной цели, Попов на примере разбора и комментирования собственного литературного произведения, созданного в обстоятельствах того времени и испытывавшего соответствующее влияние, дает свою негативную оценку правившей номенклатуре, официальной культуре и Советской власти в целом.

Каковы же причины, побудившие автора прибегнуть именно к такой форме самовыражения? По мнению О.Е. Романовской, повесть «Зелёные музыканты», которую препарирует Попов в послетекстовых комментариях, является «условностью», лишь поводом «для написания разросшегося комментария, составляющего само существо романа» [РОМАНОВСКАЯ 2008], в котором выражается авторская рефлексия. Отчасти соглашаясь с точкой зрения исследователя, мы, тем не менее, видим причины этой тяги к комментированию, лежащими в иной плоскости.

Галковский в своем романе-комментарии «Бесконечный тупик» говорит об особой роли литературы в самом сознании русского человека, его взгляде и способе интерпретации мира: «В России историю заменила литература. До сих пор в нашей стране не написана история XIX века. Такой книги нет. <...> Зато изданы полные собрания сочинений и писем нескольких десятков писателей. Толстого в 90 томах издали. Это больше, чем весь Брокгауз, – самая объемистая русская энциклопедия» [ГАЛКОВСКИЙ 2008]. Другими словами, человек смотрит на мир сквозь призму литературы, как на текст, чаще – как на художественный текст. Эта мысль близка идеям постструктурализма, один из главных теоретиков которого, Жан Деррида, в интервью О.Б. Вайнштейн утверждает «абсолютную тотальность текста»: «...для меня текст безграничен. Это абсолютная тотальность. Нет ничего вне текста: это означает, что текст не просто

речевой акт» [ВАЙНШТЕЙН 1992: 73–80]. Именно об этом говорит и один из главных российских специалистов по постмодернизму И.П. Ильин: в своей монографии «Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм» он подчеркивает, что история и общество могут быть прочитаны как текст, что позволяет нам рассматривать человеческую культуру в целом как единый гипер- или интертекст, «который в свою очередь служит как бы предтекстом любого вновь появившегося текста» [ИЛЬИН 1996–256]. Опираясь на Ильина и изучая формы авторской рефлексии в русском постмодернистском романе, О.Е. Романовская указывает на повышение уровня теоретической рефлексии как на одну из характеристик новой писательской личности: «...современный писатель часто выступает как теоретик и критик собственного творчества, причем делает свои научные и критические изыскания частью художественного текста. <...> Их [автолитературоведческих пассажей] своеобразие в постмодернистском тексте определяется пародийным началом, переводящим повествование в иронический регистр» [РОМАНОВСКАЯ 2009].

Все это мы можем применить к роману-комментарию как к жанру при изучении его природы в целом и к произведению Е. Попова в частности. Если вся жизнь человечества есть текст, а Россия выражается в литературе, то комментируя литературный текст, особенно столь характерный для эпохи, Попов комментирует саму жизнь России, в данном случае – определенный отрезок ее исторического развития, – что делает роман-комментарий идеальным по форме жанром для выражения авторской рефлексии.

При разговоре о структуралистском и постструктуралистском подходах в изучении природы жанра романа-комментария нельзя не упомянуть французского литературоведа Ж. Женетта. В работе «Повествовательный дискурс» он выводит несколько нарративных уровней, в зависимости от специфики отношений между повествователем и повествованием – экстрадиегетический (основное повествование нарратора), интрадиегетический (повествование в описываемом мире, персонажи и события, с ними происходящие) и метадиегетический (повествование самих персонажей, вставное повествование в повествовании). Кроме того, Женетт также описывает гомодиегетический и гетеродиегетический уровни, то есть те истории, где повествователь рассказывает, как правило, собственную историю и ту, в которой он отсутствует, соответственно.

Эту систему можно применить и к упомянутым выше романам-комментариям. Так, повествование в созданном Кинботом аппарате комментариев происходит на экстрадиегетическом уровне, события, в нем описываемые, реализуются на интрадиегетическом уровне, в то время как повествование в комментируемой Кинботом поэме Шейда – на метадиегетическом уровне. Кроме того, Ю.В. Бобрышева отмечает, что в повествовании Кинбота экстрадиегетическое постоянно вторгается в диегетическое посредством аналепсиса [БОБРЫШЕВА 2013] (любое упоминание задним числом события, предшествующего той точке истории, где мы находимся).

В «Подлинной истории “Зелёных музыкантов”» система ничуть не легче: к экстрадиегетическому уровню можно отнести повествование Попова в после-

текстовом комментарии, включающее многочисленные отступления, на интрадиегетическом уровне находятся происходящие с Иваном Ивановичем события, а к метадиегетическому уровню можно причислить рассказ Ивана Ивановича «Бессовестный парень», который при публикации, после весьма существенных изменений, получил название «Спасибо». Кроме того, повествование Попова-комментатора в 1997 году, происходит на гомодиегетическом уровне, в то время как повесть «Зелёные музыканты», написанная в 1974 году – на гетеродиегетическом. Подобная сложная система отношений повествователей и повествований, разворачивающаяся на разных уровнях и в разных хронотопах в этом романе-комментарии, и создает, на наш взгляд, уникальную вневременную атмосферу и позволяет автору перемещаться между эпохами, переосмысляя прошлое и рефлексировав над ним. Более подробное изучение этого типа романа, равно как и прочтение упомянутых в данной статье произведений с позиций структурализма станет предметом наших последующих работ.

Сам Попов в 1999 году в статье, посвященной не только комментариям в рамках художественного текста, но и сугубо научным комментариям (например, комментариям Ю. Лотмана к «Евгению Онегину») писал так: *«Полагаю, что КОММЕНТАРИЗАЦИЯ (sic) художественных текстов... – это, кроме всего прочего, еще и попытка уважить читателя, удержать его в силовом поле культуры и помочь ему не сойти с ума, даже если это уже произошло с автором <...> автор этих строк прошел все три стадии существования и исчезновения текстов, возвратившись на данном этапе своей жизни к стадии промежуточной. А именно текста исчезающего, но обволакиваемого комментариями, которых чем больше, тем лучше»* [ПОПОВ 1999].

Таким образом, именно столь характерный для постмодернистской литературы жанр, как роман-комментарий, позволяет Е. Попову не только по-новому, не будучи скованным рамками цензуры и самоцензуры, взглянуть на собственное произведение, написанное несколько десятилетий назад, но и через оценку этого текста, который выступает в качестве типичного примера «советской» литературы того времени, охарактеризовать саму советскую эпоху. Этой цели автор достигает посредством аппарата фикциональных комментариев, содержащих множество филологических наблюдений, примеров фольклорного творчества советского народа, исторические, биографические и философские отступления, приправленные иронией, которые позволяют ему наиболее полно выразить свою позицию и свое отношение к советской власти, которое проходит лейтмотивом через все творчество писателя.

Библиография

- ГАЛКОВСКИЙ, Д.Е. [GAL'KOVSKIĬ, D.E.] 2008: Бесконечный тупик: В 2 кн. Москва [The infinite deadlock: In 2 vols. Moscow].
- ГОГОЛЬ, Н.В. [GOGOL', N.V.] 1937–1952: Полное собрание сочинений в 14 томах. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, Том 6. Мертвые души. Том I [Complete works in 14 volumes. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR. Volume 6. Dead Souls. Volume I].
- ПОПОВ Е.А. [РОРОВ, Е.А.] 1999: Подлинная история «Зелёных музыкантов». Москва: Вагриус [The True Story of The Green Musicians. Moscow: Vagrius].
- НАВОКОВ, V.V. 1962: Pale Fire: New York, G. P, Putnam's Son.

Список научной литературы

- АБАШЕВА, М.П. [ABAŠEVA, M.P.] 2001: Литература в поисках лица. Русская проза в конце XX века. Издательство ПГПУ. Пермь [Literature in search of a face. Russian prose at the end of the twentieth century. PGPU Publishing House. Perm].
- БАРИНОВА, Е.Е. [BARINOVA, E.E.] 2007: Метатекст в романе Е. Попова «Подлинная история “Зелёных музыкантов”» // Филология и человек [Metatext in the novel by E. Popov "The True Story of the Green Musicians" // Filologîa i čelovek], 2007/2.
- БЕЛЯЕВА, И.С. [BELÂEVA, I.S.] 2009: Фикциональный комментарий в литературе постмодернизма: на материале произведений Владимира Набокова: диссертация ... кандидата филологических наук: 10.01.08 // Беляева Ирина Сергеевна [Место защиты: Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ)]. – Москва [Fictional commentary in the literature of postmodernism: on the material of the works of Vladimir Nabokov: dissertation of the candidate of philological sciences: 10.01.08 // Belyâeva Irina Sergeevna; [Place of protection: Russian State University for the Humanities (RGGU)]. – Moscow].
- БОБРЫШЕВА, Ю.В. [BOBRYŠEVA, Ū.V.] 2013: Модернистская проблема целостности в повествовательном дискурсе В.В. Набокова // Сибирский филологический журнал [The modernist problem of integrity in V.V.Nabokov's narrative discourse // Siberian Journal of Philology], 2013/2.
- ВАЙНШТЕЙН, О.Б. [VAJNSTEĬN, O.B.] 1992: Интервью с Ж. Деррида // Мировое древо [Interview with J. Derrida // World tree], 1992/1: 73–80.
- ГРИГОРЬЕВА, Н.Я. [GRIGOR'EVA, N.Ā.] 2000: Сноска как реставрация // Новое литературное обозрение [Footnote as restoration // New Literary Review], 2000/24.
- ЖЕНЕТТ, Ж. [GENETTE, G.] 1998: Фигуры. В 2-х томах. Том I-II. // Москва: Издательство им. Сабашниковых [Shapes. In 2 volumes. Volume I-II. // Moscow: Sabašnikovs Publishing House].
- ИЛЬИН, И.П. [IL'IN, I.P.] 1996 Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. Москва: Интрада [Poststructuralism. Deconstructivism. Postmodernism. - Moscow: Intrada].
- КОРОВОВА, Д.М. [КОРОВОВА, D.M.] 2008: Нарративные структуры романов В. Вулф «По морю прочь», «Орландо», «Волны», «Между актов» // Вестник СПбГУ. Язык и литература [Narrative structures of V. Wolfe's novels "Away by the Sea", "Orlando", "Waves", "Between Acts" // Bulletin of St. Petersburg State University. Language and Literature], 2008/4–2.

- КУРНИЦКАЯ, В.А. [KURNICKÁ, V.A.] 2012: Проблема жанра романа-комментария в современном литературоведении (на материале «Бесконечного тупика» Д. Галковского) // Вестник ЧелГУ [The problem of the genre of the novel-commentary in modern literary criticism (based on the "The infinite deadlock" by D. Galkovskij) // Vestnik ČelGU], 2012/2 (256).
- МАКСИМОВА, Е.С. [MAKSIMOVA, E.S.] 2009: «Национальная» интерпретация теории постмодернизма в романе Д. Галковского «Бесконечный тупик» // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки ["National" interpretation of the theory of postmodernism in D. Galkovskij's novel "The infinite deadlock" // Izvestiya vuzov. North Caucasian region. Series: Social Sciences], 2009/2.
- ПАВИЧ, М. [PAVIČ, M.] 2009: Если вы мудрее, чем ваша книга, вы не писатель [If you are wiser than your book, you are not a writer] // <https://novayagazeta.ru/articles/2009/11/27/40258-milorad-pavich-esli-vy-mudreechem-vasha-kniga-vy-ne-pisatel> [5.03.2021].
- ПЕРЦЕВА, Н.А. [PERCEVA, N.A.] 2015: Художественные особенности жанрообразующих элементов «Дневника писателя» Ф.М. Достоевского // гуманитарные, социально-экономические и общественные науки [The artistic features of the genre-forming elements of the "Diary of a Writer" by F.M. Dostoevskij // humanitarian, socio-economic and social sciences], 2015/10–2.
- ПОЛЯКОВА, Н.А. [POLÁKOVA, N.A.] 2010: Советские культурные локусы в романе Е. Попова «Подлинная история “Зелёных музыкантов”» // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология [Soviet cultural loci in E. Popov's novel "The True Story of the Green Musicians" // Bulletin of Perm University. Russian and foreign philology], 2010/1.
- ПОПОВ, Е.А. [POPOV, E.A.] 1998: «Человек никогда не бывает счастливым»: Беседу ведет Евгений Шкловский // Дружба народов ["A man is never happy": Conversation is conducted by Evgeny Šklovskij // Družba narodov], – 1998/6.
- ПОПОВ, Е.А. [POPOV, E.A.] 1999: Отсутствие отсутствия // Иностранная литература [Absence of absence // Inostrannâ literatura], 1999/5.
- РОМАНОВСКАЯ, О.Е. [ROMANOVSKÁ, O.E.] 2008: Смыслообразующая функция повествовательной структуры в романе Евгения Попова «Подлинная история “Зелёных музыкантов”» // Вестник ТГУ [The semantic function of the narrative structure in the novel by Evgeny Popov "The True Story of the Green Musicians" // Vestnik TGU], 2008/4.
- РОМАНОВСКАЯ, О.Е. [ROMANOVSKÁ, O.E.] 2009: Формы авторской рефлексии в русском постмодернистском романе // Известия ВГПУ [Forms of the author's reflection in the Russian postmodern novel // Izvestiâ VGPU], 2009/5.
- ГОРЕТЦУ, Ж. 2005: Образ Владимира Соловьева в книге Дмитрия Галковского «Бесконечный тупик» [The image of Vladimir Solov'ev in the book by Dmitrij Galkovskij "The infinite deadlock"] // Sub Rosa Köszöntő könyv Szilárd Léna tiszteletére. Budapest. 219–226.

Дмитрий МАЗАЛЕВСКИЙ
аспирант Института Славистики
Дебреценского Университета
Дебрецен, Венгрия
mazalevsky413@gmail.com